

УДК 81-112

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА

АЛИ НАДЖА Хасан Али,
аспирант кафедры общего языкознания и стилистики,
Воронежский государственный университет

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена актуальной проблеме - описанию способов создания оценочных наименований персонажей в художественных произведениях А.П. Чехова. Большое внимание уделяется анализу оценочных номинаций, образованных при помощи метафорических и метонимических переносов, а также за счет словообразовательных возможностей языка. Включенные в контекст художественных произведений слова с оценочной семантикой используются писателем для создания комического / иронического эффекта, а также для создания ярких положительных или отрицательных образов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оценочная номинация, лексико-семантический способ, словообразовательный способ, семантическая структура, семема, сема, метафорический перенос, метонимический перенос, суффиксация.

METHODS OF CREATION OF CHARACTERS' EVALUATION NAMES IN THE WORKS OF A.P. Chekhov

Ali Naja Khasan Ali, Postgraduate student of the Department of General Linguistics and Stylistics,
Voronezh State University

ABSTRACT. The article describes the ways of creation of characters' evaluation names in works of Anton Chekhov. Great attention is paid to the analysis of evaluative categories formed with the help of metaphorical and metonymical transfers, and also due to the derivational possibilities of the language. Included in the context of artistic works, the words with the evaluation semantics are used by a writer to create a comic/ ironic effect, as well as to create vivid positive or negative images.

KEY WORDS: evaluative nomination, lexical-semantic method, method of word-formation, semantic structure, sememe, seme, metaphorical transfer, metonymic transfer, suffixation.

Актуальность и научная новизна представленно-го в статье исследования состоит в том, что впервые процесс оценочных именовании лиц рассматривается на материале художественных произведений А.П. Чехова, выделяются различные способы оценочной номинации и их взаимосвязь. Существующие научные лингвистические труды, посвященные изучению особенностей языка А.П. Чехова (напр., работы К.С. Горбачевича, Л.В. Баскаковой, Г.П. Бердникова, А.А. Брагиной, И.А. Быковой, В.В. Голубкова, Е.Б. Гришаниной, Н.В. Изотовой, Т.Г. Козыревой, М.К. Милых, Е.А. Покровской, Т.Г. Хазагерова и др.), отражают лишь отдельные аспекты поставленной в работе проблемы.

Как известно, выразительность художественного текста зависит, прежде всего, от «участия мастеров слова в процессе развития переносных значений номинаций, сохраняющих ту или иную степень образности» [4, с. 85].

Исследование показало, что русский писатель А.П. Чехов в своем творчестве достаточно активно использует оценочные номинации, которые выступают средством характеристики персонажей. При этом наиболее яркие образно-экспрессивные лексические единицы создаются, как правило, лексико-

семантическим и словообразовательным (морфологическим) способами.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что большое количество оценочных номинаций лица в художественных произведениях А.П. Чехова образовано при помощи метафорических переносов. Говоря о механизме формирования метафорических значений, ученые отмечают: «В случае существования в сознании носителей языка нескольких коннотативных образов для выражения одного и того же признака при окончательном выборе учитываются многие факторы: <...> отрицательный или положительный статус образа, частотность его употребления, его потенциальное восприятие адресатом речи» [3, с. 84].

Анализируя языковые особенности прозы А.П. Чехова, мы выделили несколько типов регулярных метафорических переносов, участвующих в формировании оценочных номинаций лица:

Метафорический перенос «животное → человек»: *гадина, тварь* («Дамы»), *птица, гусь лапчатый* («Ряженые», «Осколки московской жизни»); *скотина* («Ночь на кладбище», «Открытие», «Отрава», «На даче»), *барашек, свиньи* («Первый дебют», «Беспокойный гость»), *немецкая свинья* («Обыватели»), *ихтиозавр* («Осколки московской жизни»), *крыса, сивый мерин, биржевые зайцы* («Осколки московской жизни»), *уездный медведь* («Муж»), *талантливая рыба* («Критик»), *курицы-*

© Али Наджа Хасан Али, 2017

ны дети («Беда»), заводская кобыла, заводской же-ребец («Убийство»). По утверждению лингвистов, значение эксплицированных метафорическим переносом «животное→человек» оценочных номинаций, «не связано с исходным... никаким существенным семантическим признаком; тем не менее эта связь явно существует (и отчетливо воспринимается говорящими), она основана на ассоциативных, или репрезентативных, признаках, связанных со словом в его основном значении» [11, с. 231].

Оценочные номинации – анималистические метафоры, встречающиеся в творчестве А.П. Чехова, могут служить средством характеристики: 1) внешности человека [«Нет, брат, такого буйвола, как ты, никакая холера не проберет» («Актерская гибель»); «И в кого я такой слон уродилась? Даже глядеть страшно» («Рыбья любовь»)]; 2) внутренних качеств человека [«Самое ехидное насекомое в свете есть женский пол» («О женщинах»)]; 3) особенностей поведения [«А вам стыдно защищать. Надо беспристрастно: свины, так и есть свины!» («На чужбине»); «Федя! Да проснись же, тюлень!» («Ночь перед судом»); «Твой Никонов – корова! Ревет, хрипит, точно из него кишки тянут» («Заказ»)]; 4) особенностей судьбы человека [«Ты муж... бессловесное животное, на котором можно ездить и возить клади» («Один из многих»); «Как я могу убедить дико-го утенка, живущего в неволе и ненавидящего меня, что он мне симпатичен...» («Жена»)]

Яркость и точность анималистических оценочных обозначений лица достигается за счет идентичности представлений носителей русского языка об их семантике [5, с. 25]. Ср.: «Поди-ка сюда, клоп! – сказал он. – Дай-ка я на тебя поближе погляжу» (о маленьком человеке) («Житейская мелочь»).

Оценочные имена существительные, представленные анималистическими лексемами, могут иметь определение, которое с точки зрения семантического наполнения может находиться в антонимических отношениях с номинацией и тем самым создавать иронический или сатирический эффект [ср.: величественная свинья («Драма на охоте»), умный скот («Безотцовщина») и др.]. Ср.: «Говоря откровенно, Трифон Семенович – порядочная-таки скотина» («За яблочки»); «Он истязует свою жену и имеет трех любовниц... Вообще скотина порядочная...» («В Москве»). Как подчеркивают исследователи, «оксюморонный рисунок словосочетания с бранным зоонимом может иметь трагикомичную оценку, характеризую сложную ситуацию говорящего лица» [8, с. 16].

Назначение подобных метафор состоит в том, чтобы «приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации» [1, с. 59; 2, с. 151]. Языковые зооморфные метафоры обладают в основном «дискредитирующей» функцией и используются для оценочной характеристики чеховского персонажа, его внешнего вида и морально-этических качеств, поступков, условий его жизни.

А.П. Чехов в своем творчестве обогатил семантическую структуру анималистических лексем новыми семемами. Кроме того, семемы одной и той же метафоры могут входить в различные оценочные парадигмы, отражающие особый взгляд писателя на окружающий мир.

2. Метафорический перенос «растение → человек», в основе которого лежат «базисные образы,

связанные с архетипическим восприятием мира: ...все происходит из каких-то семян или зерен, имеет свои корни и приносит плоды, рождается и умирает в соответствии с естественными циклами жизни» [10].

Подобные номинации позволяют передавать информацию в яркой, краткой и доступной форме и обладают мощным коннотативным потенциалом. Ср.: «...всё это бутоны, невесты, самые, можно сказать, сливки...» («В пансионе»); «Надеюсь, милая, и после свадьбы вы останетесь всё таким же розаном» («Учитель словесности»); «Бежит по аллее бедный финик, словно ошпаренный...» («От нечего делать»); «Фрукт! – говорит доктор, подмигивая. – Такого ананаса, Обтесов, и на острове Мадейре не сыщете» («Аптекарьша»); «...какое множество таких же перекати-поле, ища где лучше, шагало теперь по большим и проселочным дорогам» («Перекати-поле»).

3. Метафорический перенос «предмет→человек». При этом понятие «предмет» отождествляется с понятием вещи, объекта материального мира и включает многообразие материальных объектов, доступных чувственному восприятию. Оценочные номинации, эксплицированные метафорическим переносом «предмет→человек», формируются на основе: а) сходства внешнего вида, размеров и величины [«Моя героиня, ... начавши жить со своим пугалом, не отказалась от своих глупых привычек» («Два скандала»); «Слепая кукла, фат!» («Кошмар»); «Ну, с этой слюнявою развалиной каши не сварись», – подумал я и почувствовал раздражение» («Жена»); «Матушка наша, красавица, картина писаная!... Алмаз наш драгоценный!» («Бабе царство»); «Стоит, чуцело, и бельмы на воду тарачит» («Дочь Альбиона»)]; б) сходства выполняемых функций, а также характера, способа или результата действия [«Не стучи сапогами, жернов» («Невидимые миру слезы») и др.]; в) сходства значимости признаков или общего впечатления от предметов [«Не твое дело, старая, заржавленная щеколда! – думал он» («Барон»); «Пишущая машина! Машина! – шептало привидение, дуя на чиновника сухим холодом. – Деревяшка бесчувственная!» («Восклицательный знак»); «Тумба! – сердито сказал он жене. – Голова твоя глупая!» («Неудача»); «Бревно! Пень! Школой он так же интересуется, как я прошлогодним снегом» («Кошмар»); «Не слушай, ангел, эту сухую лимонную корку, – думает Дырявин» («В пансионе»); «...помни, что ты дачник, то есть раб, дрянь, мочалка...» («Один из многих») и др.]

4. Метафорический перенос «вымышленное существо→человек». Подобные номинации являются семантически мотивированными обозначениями мифических / сказочных существ (ангел, дьявол, бес, черт, сатана, ведьма, фея, русалка) или библейских персонажей (младенец вифлеемский, иродом убиенный) и отличаются особым синкретизмом в силу сложности выделения доминирующего конкретного качественно-оценочного признака. В данном случае можно отметить только совокупность равнозначных характеристик, которая может быть перенесена на конкретное лицо.

5. Метафорический перенос «человек→человек», в основе которого лежат свойственные самому человеку признаки (особенности внешности, социального положения, поведения и характера, национальная принадлежность), характеризующие его с определенной стороны (морально-этической, внешней,

ситуативной и т.д.). Ярким примером лексико-семантической деривации как способа оценочного наименования лица в художественных произведениях А.П. Чехова может служить явление метафорической прономинации, связанной с переходом имён собственных в нарицательные. При метафорической прономинации в качестве субъекта сравнения в прозе писателя выступают объекты различного рода: реальные люди (*Цицерон, Плевако, Сара Бернар, Бурбон* и др.), вымышленные мифологические существа (*Геркулес, Аполлон, Морфей, Мельпомена, Нептун* и др.), литературные и исторические персонажи (*Квазимодо, Дон-Кихот, Дульцинея, Отелло, Альфонс, Навуходоносор, Ирод* и др.).

Номинативные единицы данного типа могут быть представлены: 1) обозначениями, утратившими яркую и прочную связь с историческими лицами или литературными персонажами, имена которых являлись для них производящими: *ирод* («Ведьма», «Свадьба»), *альфонс* («О женщинах», «Жида»), *театральный геркулес* («Осколки московской жизни»), *миннезингер, баян* («Пассажир 1-го класса»); *донжуан* («Длинный язык»), *бурбон* (в значении «грубый и невежественный человек» (разг. устар.); от имени французской королевской династии *Bourbon* («Первый любовник»); 2) обозначениями, заимствованными из источников, известных широкому кругу лиц, поэтому не потерявших своей связи с «прототипами»: *круглолицый Цицерон, московские Пенелопы, Манилов; Коробочка*, печатающая пушкинскую «Пиковую даму» («Осколки московской жизни»), *Квазимодо* («О женщинах»); *Змей Горыныч* («Тоска»).

Причем прономинанты, встречающиеся в текстах А.П. Чехова, могут быть осложнены детерминативами (*царица Тамара*) или эпитетами [*Клеопатра египетская*]: «Однако, брат, не шутя говоря, у вас в уезде своя *царица Тамара* завелась» («Тина»); «... кто-то проговорил, смеясь: – *Клеопатра египетская*» («От нечего делать»).

Очевидно, что сквозь призму метафор те или иные качества человека наделяются оценочными коннотациями, транслирующими не только ценностные установки русского народа, но и особенности мировидения писателя. Как отмечается в научной лингвистической литературе, «перенос значений отражает процесс осмысления и переживания явлений одного рода в терминах явлений другого рода говорящим лицом, стремящимся к творческому характеру передачи информации» [9, с. 193; 7, с. 49].

Особый интерес в этом плане представляет язык А.П. Чехова, весьма выразительный, полный ассоциаций, многие из которых возникают при изменениях в толковании традиционных оценочных значений метафорических номинаций (в том числе их экспрессивной составляющей) в связи с новыми контекстами в художественном произведении.

Вместе с тем, оценочные номинации лица могут быть образованы А.П. Чеховым путем *метонимических переносов*, посредством которых создается комический портрет чеховского персонажа, не только включающий внешние очертания, но и характеризующий внутренний мир героя.

Ср. чеховские оценочные номинации лица, эксплицированные метонимией и образованные по следующим моделям: 1) наименование человека – наименование понятия или предмета, связанного с этим человеком: «Окно это выходило из комнаты, в которой обитала на летнем положении молодая, только что выпущенная из консерватории, *первая скрипка*, Митя Гусев» («Который из трёх»); «Гля-

ди, *длиннополая аллилуйя* в митрополиты выскочит; чего доброго, придется ручку целовать» («Дуэль»); 2) наименование человека – наименование элементов внешности человека: «Пролезли! – сказал Пробкин, с завистью и почти ненавистью глядя на удалявшихся дам. – Счастье, ей-богу, этим *шиньонам!* («Женское счастье»); «*Синие панталоны* кряхтя поднимаются и, переваливаясь с боку на бок, как утка, идут через улицу» («Обыватели»); «На верхних скамьях мелькают гимназические *фуражки*» («На волчьей садке»); «*Соломенная шляпа* ворочается и во всеулышание сердится на свои непослушные ноги» («В вагоне»); 3) наименование человека – наименование составляющих физиологических процессов и болезней человека: «А тут в это время дамы были... между прочим, жена этой *слюни* подпоручика Окурина» («В номерах»); «Отстань ты от меня, *холера*, со своим казаком вонючим, а то я к отцу уеду!» («Казак»); 4) наименование человека – наименование частей тела и органов человека: «Пойми ты, тупой человек, пойми, *безмозглая голова*, что у тебя, кроме грубой физической силы, есть еще дух божий»; «Вы не знаете Марии Викторовны, это умница, прелесть, простая, *добрая душа*» («Моя жизнь»); «Я глядел в спину архивариуса, и мне казалось, что эта *спина* не платит только потому, что боится нарушить общественную тишину» («Речь и ремешок»); 5) наименование человека – наименование свойства человека: «У нас участвовал в «Я именинник» любитель, некий Сысунов. *Первоклассный комический талант!*» («Страдальцы»).

Весьма интересными являются, на наш взгляд, также чеховские оценочные номинации лица, эксплицированные разновидностью метонимии – синекдохой, назначение которой состоит в идентификации субъекта через указание на характерную для него деталь, отличительный признак. Подобные наименования всегда прагматически / ситуативно или контекстуально обусловлены: обычно речь идет о предмете, либо непосредственно входящем в поле восприятия говорящих, либо охарактеризованном в предтексте, – и могут быть представлены следующими разновидностями: а) употреблением единственного числа в значении множественного: «*Француз* никогда не позволит себе невежества» («На чужбине»); б) употреблением множественного числа в значении единственного: «... кто таков? *Альфонс Шампунь!* Знаем мы этих *Альфонсов Шампуней!*» («На чужбине»); «*Миннезенгер* и *баян* теперь на белом свете нет и известность делается почти исключительно только газетами» («Пассажир 1-го класса»).

Как видно, писатель использует метафорические и метонимические оценочные наименования для создания комического эффекта, создания иронии, нередко переходящей в сарказм, а также для создания ярких положительных или отрицательных образов. При этом эмоциональная оценка исследуемых номинаций обнаруживает тесную зависимость от контекста, который способен изменять сам характер эмоциональной оценки.

Исследование показало, что оценочные наименования лица в художественных произведениях А.П. Чехова могут создаваться с помощью словообразовательных возможностей языка. Безусловно, самым продуктивным способом образования оценочных номинаций человека является суффиксация. Суффиксальные наименования лиц, как правило, дают характеристику человека с точки зрения родственных отношений (*мамаши – маменька, папаша – папашенька – папашка – папенька, женишок, тестюшка, крестенький* и др.), возраста и

пола (*молодуха, паренек – паренёчек, мужичок – мужичонок – мужичонка; старикашка – старик – старец – старичок, старуха – старушка – старушечка – старушонка – старушеница, дамочка*), внешности (*ангельчик, блондиночка, брюнеточка, красоточка, растрепка, карапузик, толстячок, франтиха, образина*), социальной и имущественной принадлежности (*аристократишка, барынька, дворяночка, княгинюшка, князёк, князенька, купчик, купчишка*), профессии и рода занятий (*офицерик, попик, коммерсантик, гимназистик, лекаришка, солдатушка*), национальности (*армяшка, жидок, немочка, немчура, французишка, французик, еврейчик, жидок*). Отдельную группу образуют оценочные наименования, характеризующие внутренние качества и особенности характера человека (*подлец, оборванец, лихоимец, отщепенец, развратитель, прихлебатель, клеветник, разиня, хапуга, пьянчуга, скандалист, забулдыга, пошляк, замазура, болтун, брехун, пройдоха, ломака*).

В категории лица особенно ярко выступают коррелятивные пары параллельных мужских и женских суффиксов (*жандармик и жандармиха*). Исследование показало, что однокоренные оценочные лексические единицы могут по-разному характеризовать лиц мужского и женского пола (ср.: *шельмочка* и *шельмец*).

В текстах А.П. Чехова встречаются также окказиональные номинации, образованные путем суффиксации (*канашка, сквернавец, знакомец, ругатель, ерундист, хрюкало, ругатель, зюмбумбунчик, студиоз, дурандас* и др.), которые обладают особой, повышенной экспрессивностью. Ср. также окказиональные оценочные номинации лица женского пола, образованные от той же основы, что и наименования лиц мужского пола (*причудница, знакомка, самодержица, дьяволица* и др.).

Особую группу суффиксальных оценочных номинаций образуют эмоционально-оценочные обращения, в которых, как отмечается исследователями, положительные «эмоционально-оценочные, или эмотивные, семы полностью вытесняют денотатив-

ное содержание слова, целиком занимая его ядерное семантическое пространство» [6, с. 175]: *батенька, батюшка, братец, голубчик, голубушка, дружок, душенька, душка, душечка, сударик* и др.

Как показал анализ фактического материала, средством выражения оценочного значения могут быть также собственные имена существительные, в которых эмоциональная оценка выступает на первый план и становится преобладающей. Ср.: *Манечка* («Приданое»), *Анюточка* («Живая хронология»), *Петечка* («Безнадежный»), *Шуренька* («Святая простота»), *Глашенька* («Анрепренер под диваном»), *Климушка* («Пересолил!»), *Егорушка* («Цветы запоздалые»), *Степушка* («Барыня»), *Кузька* («Осколки московской жизни»).

Как показало исследование, особую группу номинаций образуют оценочные имена существительные, образованные путем префиксации (*архичудаки, архикабатчики, архишулеры, обер-водочники, всечеловек, некнязь*) и нульсуффиксации (*неуч, пролаза, нахал, ераль*), а также сложения, которое представлено двумя разновидностями: основосложением (иногда путем суффиксации) (напр., *дармоед, молокосос, зубоскал, душегубец, пустомеля, хриstopродавец, чинодрал; человеконелюбец, карманолубец* и др.) и словосложением (напр., *офицеры-вертопрахи, немцы-табачники, товарищи-изменники, женщина-пройдоха, мальчишка-подлец* и др.).

Как видно, оценочные номинации лица обладают большим экспрессивным и образным потенциалом. Включенные в контекст художественных произведений, они передают различные эмоции, участвуют в создании ярких запоминающихся образов, маркируют авторское отношение (чаще ироничное) к лицам и объектам повествования. В семантике всех подобных номинаций особую яркость приобретают эмоционально-оценочные семы, отражающие эмоции и оценки субъектом речи тех или иных обозначаемых реалий [6, с. 54–55], актуализированные или формируемые в системе художественного целого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е.М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 224 с.
2. Гак, В.Г. К проблеме общих семантических законов / В.Г. Гак // Общее и романское языкознание. – М., 1972. – С. 144–160.
3. Глазунова, О.И. Логика метафорических преобразований [Текст] / О.И. Глазунова. – СПб., 2000. – 190 с.
4. Гутман, Е.А. Использование определений для выявления семантики зоохарактеристик [Текст] / Е.А. Гутман, М.И. Черемисина // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1974. – Вып. 3. – С. 82–94.
5. Заварзина, Г.А. Особенности функционирования сравнений в рассказах А.П. Чехова [Текст] / Г.А. Заварзина // Материалы по русско-славянскому языкознанию : международ. сб. науч. тр. – Вып. 31. – Воронеж : Истоки, 2012. – С. 21–26.
6. Загоровская, О.В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии [Текст] / О.В. Загоровская. – Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2011. – 383 с.
7. Лукьянова, Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Вопросы семантики [Текст] / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск, 1986. – 228 с.
8. Нагорная, Е.Н. Зоометафора в системе языка и в дискурсе чеховской прозы : автореф. канд. филол. наук [Текст] / Е.Н. Нагорная. – Волгоград, 2014. – 24 с.
9. Погодин, А.Л. Язык как творчество (Психологические и социальные основы творчества речи). Происхождение языка [Текст] / А.Л. Погодин. – М. : УРСС, 2001. – 556 с.
10. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) [Текст] / А.П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
11. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.